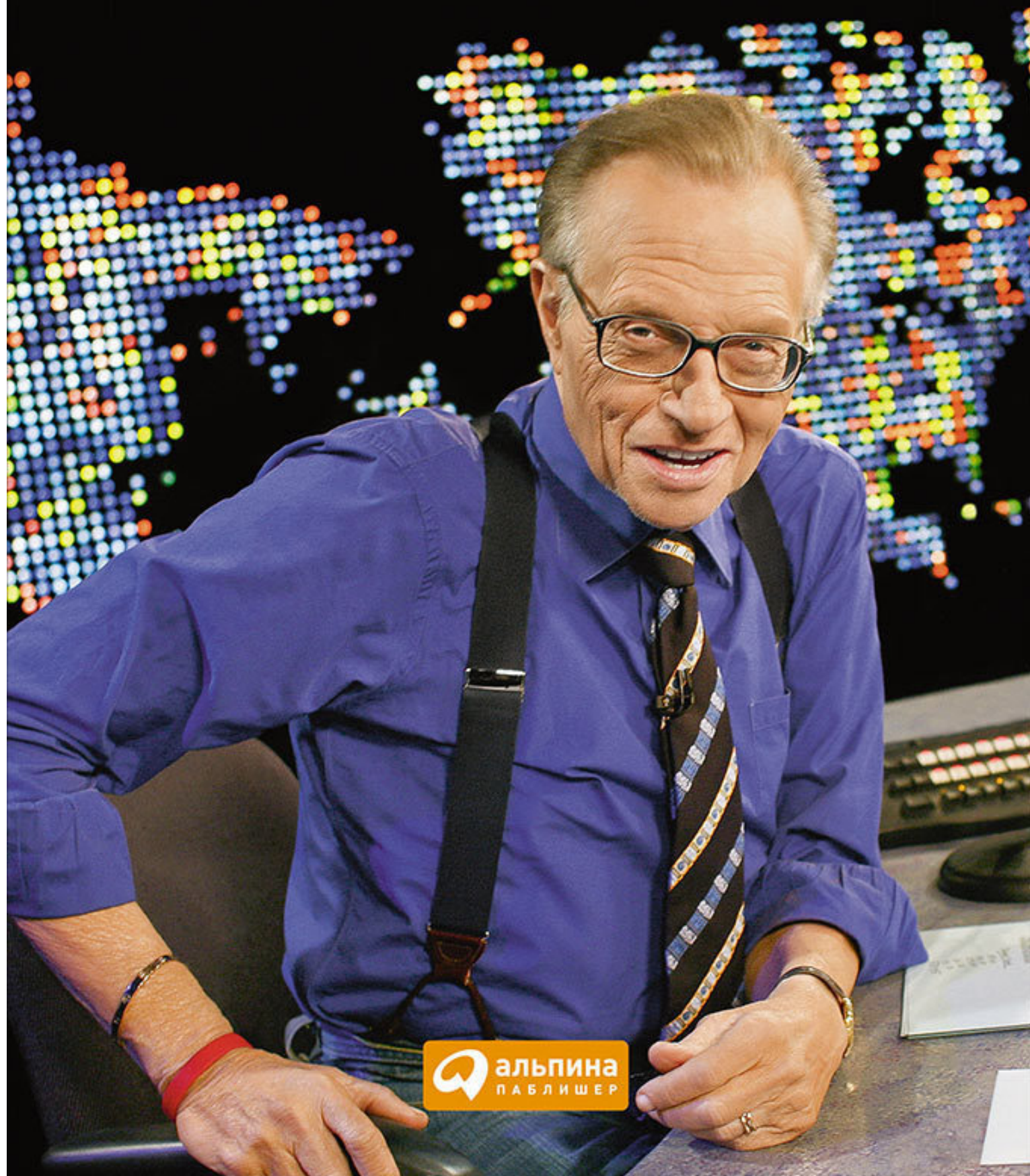

ЛАРРИ КИНГ

ПУТЬ ЖУРНАЛИСТА

альпина
ПАБЛИШЕР

Ларри Кинг

Путь журналиста

«Альпина Диджитал»

2009

Кинг Л.

Путь журналиста / Л. Кинг — «Альпина Диджитал», 2009

ISBN 978-5-9614-3679-2

Не ищите в этой книге рассказа в стиле «я родился, вырос...». Ларри Кинг не был бы Ларри Кингом, если бы писал так скучно. Автобиография гения интервью – это примерно так: «я хулиганил, был плохим парнем, но мне чертовский везло всю жизнь». Ларри Кинг всегда оказывался в нужное время в нужном месте. Он врезался в автомобиль будущего президента Кеннеди и отделался обещанием голосовать только за Кеннеди. Работая на небольшой радиостанции в Майями, умудрился взять интервью у великого Синатры, которые вообще не давал интервью. Поставил последние деньги на лошадь, ставки на которую принимали 70 к 1, и...выиграл 8000 долларов. В этом весь Ларри Кинг, чья биография больше похожа на захватывающий приключенческий роман.

ISBN 978-5-9614-3679-2

© Кинг Л., 2009

© Альпина Диджитал, 2009

Содержание

Воспоминания	7
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	12
Другая точка зрения	19
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Ларри Кинг
Путь журналиста**

ЛАРРИ КИНГ

ПУТЬ ЖУРНАЛИСТА

Перевод с английского

МОСКВА
2015

Переводчик *М. Кульнева*

Редактор *М. Савина*
Руководитель проекта *М. Шалунова*
Технический редактор *Н. Лисицына*
Корректор *О. Ильинская*
Компьютерная верстка *А. Фоминов*
Дизайн обложки *Л. Бенишвили*

© Larry King, 2009.

Впервые издано Weinstein Books, США

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2015

Все права защищены. Никакая часть электронного экземпляра этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

*Женщинам в моей жизни:
моей жене Шон Саусвик-Кинг, заслужившей «Пурпурное сердце»
в мирное время,
и Венди Уолкер, моему исполнительному продюсеру и другу*

*Нет большей радости, чем отцовство, благодаря тому, что оно
дает. Мне оно дало Энди, Ларри-младшего, Хаю, Чанса и Кэнниона. В них
моя жизнь*

Воспоминания

Странная вещь – воспоминания. Бывает, помнишь то, что случилось с тобой полвека назад, но при этом забываешь, где вчера обедал.

И главное – чем дольше живешь, тем больше у тебя воспоминаний. Так что вполне логично, что у человека в тридцать лет память лучше, чем в семьдесят пять. У меня больше семидесяти пяти лет воспоминаний. Вчера к ним прибавился еще один день. Сегодня добавится новый.

Иногда воспоминания можно оживить фотографиями. Но порой они сами превращаются в воспоминания. Однажды с Джоном Кеннеди-младшим мы разговаривали о его знаменитой детской фотографии, на которой он, трехлетний, отдает честь на похоронах своего отца. Он не помнил, как это было в действительности, он помнил только фотографию. Он видел ее не раз на протяжении своей жизни. И фотография превратилась в воспоминание.

Рассказы, как и фотокарточки, тоже могут консервировать воспоминания. Правда, порой могут и подправлять их. Рассказывая какую-нибудь историю из жизни, вы обязательно подправляете реальные события. А как же иначе? Вы можете забыть, какая в точности фраза прозвучала, и заменяете ее другой, придуманной вами, которая может оказаться более остроумной. И если ваша история вызывает у слушателей смех, вы используете эту фразу и в следующий раз, вновь рассказывая ту же историю. И через какое-то время ваш вариант рассказа становится единственным и так сохраняется в памяти.

И вероятно, мои воспоминания, изложенные в этой книге, не соответствуют в точности тому, как происходила моя жизнь. Многие из них приправлены шуткой. Однако по сути здесь все верно.

Иногда я расстраиваюсь из-за того, что не могу чего-то вспомнить. Как в том анекдоте: «Я только что прочел замечательную книгу “Десять шагов к идеальной памяти”, ее написал... ну этот, как его...» Но вот шутки и забавные случаи я не забываю никогда. Мое чувство юмора пока мне не изменяет. Я помню все, над чем смеялся, даже в детстве. И мне кажется, что именно шутки и забавные случаи я буду помнить до самого конца, даже если забуду все остальное.

Если вы знаете меня только по телепрограммам CNN, вас это, наверное, удивляет. Но если бы я не занялся тележурналистикой, то, скорее всего, стал бы комиком. До сих пор я получаю больше всего удовольствия, если мне удастся кого-то рассмешить.

Воспоминания – это все, что у нас есть. Если их потерять, останешься ни с чем. Но самые лучшие из них – те, что тронуты шуткой.

Эта книга не ограничивается только моими воспоминаниями. Здесь есть и воспоминания моих родных и друзей – тех, кто знает меня лучше всего. И в них наверняка окажется что-то такое, чего я никогда не сказал бы о себе сам. Но для полноты образа они необходимы. Я не буду заглядывать в них, пока книга не выйдет в свет. Мне не хочется никого редактировать и диктовать людям, что говорить.

Как ни забавно, не исключено, что когда я открою книгу, то буду удивлен не меньше вашего.

Глава 1

А что это я здесь делаю?

Если бы вам пришлось сживать со мной за завтраком в Nate 'n Al Deli, вы бы взглянули на меня совсем другими глазами. Во-первых, туда я прихожу без подтяжек. Во-вторых, вы бы узнали, что я ненавижу яйца. А в-третьих, вам бы пришлось представить меня в багажнике автомобиля, поскольку рано или поздно всплыла бы история об «интервью века».

Это произошло не так давно. В моем шоу был один продюсер – назову его Боб. В общем, неплохой парень, но чересчур импульсивный. Как-то ему позвонила какая-то шишка из CNN International:

«Боб! Намечается нечто невероятное!»

Боб сразу заволновался:

«Что? Что? Что такое?»

«Есть возможность взять интервью у Усамы бен Ладена».

«Ни хрена себе!»

Реакцию Боба можно понять. Спецслужбы США пытались найти бен Ладена с 11 сентября 2001 года. Трудно было придумать более удивительное телеинтервью, разве что встречу с инопланетянами.

«Нужно будет выехать в Пакистан».

Боб чуть не задохнулся от волнения.

«Но интервью состоится при определенных условиях. Вы с Ларри полетите в отдаленный район. Съемочной группы с вами не будет. Мы не имеем права привозить свое оборудование. Они предоставят нам съемочную группу. И звукооператоров. И переводчиков. И сами сделают запись. А когда интервью закончится, отдадут нам пленку. Таковы их условия.

И еще кое-что. В Пакистане вас с Ларри отвезут на машине в определенное место. Потом вы выйдете из машины, и ты, Боб, останешься ждать на месте, а Ларри посадят в багажник другого автомобиля, чтобы довезти до Усамы. Иначе нельзя. Они не могут допустить, чтобы кто-нибудь хотя бы примерно мог догадаться, где он находится.

Ларри возьмет интервью. Получит запись, потом вновь залезет в багажник. Машина вернется к тому месту, где ты будешь его ждать. Вы с Ларри сядете обратно в самолет и полетите домой».

По окончании разговора Боба уже трясло от возбуждения. Ему очень хотелось сделать это интервью века, но в то же время он страшно переживал из-за возможных последствий: *Ларри перенес уже несколько операций на сердце. А вдруг, когда он будет ехать в багажнике, с ним что-нибудь случится? А что, если его убьют? Или возьмут в заложники? И меня тоже? Но разве можно упустить такой шанс!*

Боб позвонил матери.

«Мам, посоветуй, как быть?»

Мать заинтересовалась:

«А как долго Ларри придется просидеть в багажнике?»

«Они не сказали».

Боб просто с ума сходил. Он достал всех. Он так разволновался, что уже не мог держать себя в руках. Моему исполнительному продюсеру Венди Уолкер пришлось в конце концов сказать ему, что это первоапрельская шутка, иначе Боб попросту спятил бы или кого-нибудь прикончил.

На самом деле, если бы Боб зашел позавтракать в Nate 'n Al Deli, ему сразу бы стало ясно, что совершенно незачем так нервничать. Джордж, обычно занимающий место с краю,

все бы ему разъяснил. «Да ты не успеешь спросить у Ларри, хочет ли он ехать, как он уже будет в багажнике, – мог бы сказать ему Джордж. – И готов спорить, что, когда Ларри соберется в обратный путь, Усама залезет в багажник вместе с ним, чтобы продолжить разговор».

Конечно, это преувеличение. Но одно могу сказать точно: просьба ехать в багажнике меня бы не удивила. Скорее я воспринял бы ее как нечто обычное. Разве что задал бы себе тот самый вопрос, который крутится у меня в голове вот уже пять десятков лет: *А что это я здесь делаю?*

Этими словами описывается вся моя жизнь.

Ей-богу, временами я чувствую, будто попал в сказку. Хочется ущипнуть себя, чтобы заставить поверить в то, что малыша Ларри Зайгера из Бруклина передают на 22 300 миль в космос, где он отражается от спутника, чтобы потом какой-нибудь житель Тайваня или любой из 200 стран и территорий мира мог наблюдать, как я пристаю к людям с вопросами.

Неужели это я, никогда не учившийся в колледже, учредил стипендиальный фонд на миллион долларов в Университете Джорджа Вашингтона? Это я попал в аварию с Джоном Кеннеди¹ и хорошо знаком со всеми президентами, начиная с Никсона²? Это мне пел Фрэнк Синатра в артистическом фойе? И это я гулял с Мартином Лютером Кингом-младшим³, а потом беседовал с его убийцей? Это мне звонил король Иордании, когда я обедал в Беверли-Хиллз в ресторане мистера Чау? И это мои сыновья, которые родились, когда мне было уже под семьдесят, нарядились на Хеллоуин в «костюм Ларри Кинга» с подтяжками?

Не-е-ет. Тот малыш Ларри Зайгер, которого я помню, сидел дома и слушал в 1949-м по радио репортаж об игре «Всех звезд» на стадионе Эббетс-филд, потому что у него не было денег на билет. И как так получилось, что сорок лет спустя я гулял по стадиону во время тренировки «Всех звезд», а игроки просили автограф... у меня?

Нет, такого просто не могло быть. Ларри Зайгер, который видел, как народ на бруклинских улицах плакал, узнав о смерти Франклина Рузвельта⁴, никогда и не мечтал о том, чтобы попасть в Овальный зал. Но Ларри Кинг был там не раз. И однажды в Белом доме, когда я беседовал с Хиллари Клинтон⁵, сидя под портретом Элеоноры Рузвельт⁶, и вскользь упомянул о том, что брал у Элеоноры интервью, именно Хиллари была этим приятно поражена.

Неужели правда, что Михаил Горбачев пришел на встречу со мной в подтяжках? И толпа студентов во Флориде скандировала: «Лар-ри! Лар-ри! Лар-ри!», когда я брал интервью у Джона Маккейна⁷ во время последней президентской кампании? А агент Секретной службы действительно повернулся ко мне и спросил: «Может быть, нам стоит охранять вас?»

И я до сих пор удивляюсь, когда нас с моим самым давним другом Гербом приглашают на обед в губернаторский особняк в Нью-Йорке. Представьте: входит дворецкий и интересуется: «Не желают ли господа аперитив, прежде чем отправиться отдыхать?»

Аперитив? Кто вообще знал такие слова в кондитерской лавке Мальца?

Хотя, думаю, Марио Куомо⁸, который нас приглашал, понимал, насколько все это невероятно. Может, поэтому, вручая мне награду на острове Эллис, которая дается потомкам иммигрантов, он рассказал такой анекдот:

---

¹ 35-й президент США.

² 37-й президент США.

³ Борец за гражданские права черных в США.

⁴ 32-й президент США.

⁵ Супруга Билла Клинтона, 42-го президента США, в настоящее время – Государственный секретарь США.

⁶ Американский общественный деятель, супруга 32-го президента США.

⁷ Основной кандидат от республиканцев на выборах президента США 2008 года; потерпел поражение от демократа Барака Обамы.

⁸ Губернатор штата Нью-Йорк в 1983–1994 годах.

«Как-то раз Ларри Кингу подарили отрез на костюм. Ларри отправился к портному в Майами и попросил сшить костюм с двумя парами брюк.

– Простите, Ларри, – сказал портной, – но этого материала не хватит на двое брюк.

Тогда Ларри отправился к другому портному, в Вашингтон.

Портной измерил ткань и покачал головой.

– Извините, – сказал он, – на вторые брюки здесь не хватит.

Ларри попытался добиться того же в Лос-Анджелесе. С тем же результатом.

В конце концов Ларри поехал на родину, к своему старому бруклинскому портному.

– Да, конечно, – сказал старый бруклинский портной. – Я сошью вам костюм с двумя парами брюк и жилеткой.

– Но как это у вас получится? – спросил Ларри.

– Знаете, – ответил портной, – здесь, в Бруклине, вы не настолько большой человек».

Глава 2

Девять книжек

Я возвращался домой из библиотеки и нес девять книг. По крайней мере так это сохранилось в моей памяти. На самом деле я не уверен, что книг было именно девять. Может быть, мне просто так кажется, потому что мне тогда было девять. А это я знаю точно, потому что точно помню дату – 9 июня 1943 года. В тот летний день я нес под мышкой внушительную стопку книг, потому что любил читать. Не знаю, что стало потом с этими книгами...

Перед нашим многоквартирным домом стояло три полицейских автомобиля. Мы называли их «жестянками». Не помню в точности, в какой момент я услышал крики своей матери. Но, когда я уже спешил вверх по лестнице, мне навстречу вышел полицейский. Он поднял меня на руки, книги разлетелись.

Я не уверен, был ли знаком с этим полицейским. Но это вполне возможно. Долгое время, до того как началась война и отец отправился работать на оборонный завод, он владел маленьким баром и закусочной по соседству. Все местные полицейские были его приятелями. Они любили моего отца, как и любого другого владельца бара с хорошим чувством юмора. У меня появилась собственная полицейская форма, когда я был еще совсем маленьким. С жетоном и дубинкой. Я изображал, что несую ночное дежурство.

Полицейский посадил меня в машину и сообщил, что мой отец умер. От сердечного приступа.

Я не плакал. Это я хорошо помню. Я был будто в тумане. Наверное, полицейский не знал, что ему делать. Он завел двигатель и повез меня куда-то. Мы колесили по улицам Браунсвилля и в конце концов оказались в кинотеатре.

Никогда не забуду фильм, который мы смотрели тогда, – «Батаан» с Робертом Тейлором в роли сержанта Билла Дейна. В фильме рассказывалось о горстке американских солдат, которые пытались противостоять японскому вторжению на Филиппины.

Отряд сержанта Дейна должен был подорвать мост, чтобы остановить вражеское наступление. Солдаты гибли один за одним, пока не остались только сержант и еще двое. Первого подстрелил снайпер. На второго бросился японский солдат, притворявшийся мертвым. Фильм заканчивался кадрами, в которых сержант Дейн расстреливал из автомата приближающихся японцев в последнем порыве героизма, и пули летели прямо в камеру.

Не помню, что я чувствовал, когда наконец оказался дома в тот день. Из памяти стерлось многое, что произошло в тот день. Точно так же, как и у моего младшего брата Марти. Ему тогда и было-то всего шесть лет. Но кое-что, связанное с этими событиями, я все же помню.

Я не пошел на похороны. Я очень любил отца, но на похороны идти отказался. Я остался дома. Наверное, кто-то остался присматривать за мной, но я помню, что был один. Помню, что играл у подъезда, стуча мячиком по ступенькам.

Точно помню еще две вещи. Я больше никогда не ходил в ту библиотеку, и с тех пор вид полицейских машин около нашего дома заставлял мое сердце подпрыгивать. Если я видел хоть одну из них у подъезда, я бросался домой со всех ног в ужасе, что умерла моя мать.

Глава 3

Мама и радио

Помните старый анекдот? Мальчик застаёт мать и отца за занятиями любовью.

Мальчик кричит: «О, Господи!» – и выбегает из комнаты.

Отец говорит матери: «Пойду-ка я успокою его».

И вот отец идет следом за мальчиком, но не находит того в своей комнате. Вместо этого сын оказывается в комнате у бабушки, в постели вместе с ней.

«О, Господи!» – восклицает отец.

На что мальчик отвечает: «Ну, теперь ты понимаешь, каково это – видеть, как кто-то спит с твоей матерью».

Любому ребенку трудно увидеть в своей матери молодую женщину. Моя мать была для меня *мамой*, а не Дженни Зайгер. Хотя я знал, что матери приходится тяжело после смерти отца, но лишь много лет спустя я смог на самом деле понять это. Жизнь у Дженни была очень тяжелой.

Я помню, как она рассказывала мне о своем самом раннем воспоминании. Это был страх – страх перед проверкой глаз на острове Эллис⁹.

В музее острова Эллис я видел снимки набитых людьми кораблей, прибывавших в Америку. Но я все равно не могу себе представить, что чувствовала она, впервые увидев статую Свободы. Ей было семь лет, и она была самой младшей из семи сестер. Они с матерью прибыли в Штаты на пароходе «Аравия», а был ли с ними их отец, я точно не знаю. Шел 1907 год. Что мог знать о проверке у офтальмолога семилетний ребенок? Наверное, она и не знала, что за болезнь со странным названием ищут доктора. А они искали трахому.

Это очень заразное заболевание глаз часто возникало при большом скоплении народа в антисанитарных условиях. Нередко оно приводило к слепоте, и доктора обнаруживали его по небольшим узелкам на внутренней поверхности века. Но, наверное, семилетняя Шейн Гитлиц знала все, что ей нужно было знать в ее положении: если она не пройдет проверку, ее отправят обратно в Россию.

Как мне объяснить сегодня моим сыновьям, которым восемь и девять лет, через что ей пришлось пройти? Наверняка в ее голове роились тысячи мыслей. *А что, если мои мама и сестры пройдут проверку, а я – нет? Что будет тогда с нами?* Наверняка это было очень тяжело для нее, так же, как и для них. Никто не мог предугадать, что их ждет. Теперь-то мы все знаем. Тех, кто не прошли проверку и были отосланы обратно в Европу, через несколько десятилетий ждало худшее. Сотни евреев из Коломии – города, который в те времена принадлежал Австро-Венгрии, а сейчас принадлежит Украине, того самого города, из которого уехал мой отец, – в 1941 г. были арестованы и уничтожены нацистами. Еще четырнадцать тысяч были сосланы в концлагерь Бельцег.

Не знаю, было ли для семьи моей матери праздником, когда выяснилось, что все они прошли осмотр, или они лишь испытали облегчение. Шейн Гитлиц, прибыв в Бруклин, превратилась в Дженни. Арон Зайгер, прибывший в Америку шестнадцатью годами позже, в 1923 г., на пароходе «Миннекада», превратился в Эдди.

Эдди снял комнату в том же самом доме, где жила семья моей матери. Так они и познакомились. У них не осталось ни одной свадебной фотографии. Единственный факт, который сохранился для истории от дня их свадьбы, – Эдди и Дженни посетили в этот день постановку

---

⁹ Расположен в устье реки Гудзон в бухте Нью-Йорка. До 1954 года был самым крупным пунктом приема иммигрантов в США.

«Нет, нет, Нанетт». Думаю, это имеет большее значение для фанатов New York Yankees: владелец Boston Red Sox так мечтал скорее поставить эту пьесу, что продал Бейба Рута¹⁰ Yankees.

Дженни и Эдди поженились в 1927 г. Через год Дженни родила сына. А потом обрушилась Депрессия – причем со всех сторон сразу. Их сын, Ирвин, был очень одаренным ребенком. Помню, что мне рассказывали, как Ирвин еще совсем маленьким начал осваивать программу второго класса. В его свидетельстве о смерти указано, что он умер в четыре года. Я даже не могу представить, что было с моими родителями. Ирвин пожаловался, что у него болит живот, но они не успели вовремя отвезти его в больницу, и он умер от аппендицита.

Я родился на следующий год – 19 ноября 1933 года. Я ни разу не видел в доме фотографий Ирвина. Родители никогда не говорили о нем. Потрясение от его смерти выражалось по-другому. Когда мне было три года, я почувствовал себя плохо, у меня разболелось ухо. Я помню, как сидел на заднем сиденье автомобиля, а отец орал шоферу: «Быстрее, быстрее!»

Мои родители вложили всю жизнь в нас с братом. Мать защищала нас сверх всякой меры. Если бы она когда-нибудь написала книгу, то обязательно назвала бы ее «Одевайтесь потеплее». Отец днем и ночью трудился в баре, чтобы как-то подняться и осуществить свою мечту – переехать в Бенсонхерст. Ах, Бенсонхерст! В пяти минутах от Кони-Айленда! Рядом с морем! *Такая* тогда была жизнь. В те времена переезд из Браунсвилла в Бенсонхерст¹¹ был равнозначен разнице между годовым доходом в пять и шесть тысяч долларов. И все-таки он оставался мечтой.

Мой отец так и не попал в Бенсонхерст. Вместо этого был Пёрл-Харбор. Не знаю, как отреагировала мать на его решение пойти добровольцем после нападения японцев. Все равно это не имело значения. Отца не взяли на фронт по возрасту. Поэтому он продал бар и предложил свои рабочие руки истинного патриота оборонному заводу в Нью-Джерси. Говорят, он упал и умер, не успев досказать какой-то шутки своим товарищам по цеху.

Через две недели после того появления полицейских у нашего подъезда семью ждал новый удар. Умерла бабушка – мать моей матери. Дженни Зайгер в 43 года осталась совсем одна: домохозяйка с двумя детьми. Эдди не оставил никаких сбережений.

По иронии судьбы вскоре после смерти отца его мечта обрела реальность. Одна из сестер матери помогла нам найти маленькую квартирку на чердаке в Бенсонхерсте. Арендная плата составляла, кажется, 34 долл. в месяц. Была лишь одна маленькая проблема: у нас не было доходов, из которых мы могли бы платить за жилье.

Мы выживали на то, что потом называли пособием. К нам в квартиру приходили инспектора и проверяли, что за мясо лежит у нас в холодильнике. Предполагалось, что на наши доходы мы не можем позволить себе мясо приличного качества. Если вы жили на пособие, ваша бедность постоянно подвергалась проверке.

Моя мать была великолепной портнихой. За небольшие деньги она перешивала одежду нашим соседям. Но мы не должны были иметь дополнительного дохода. Если соседи снизу видели, что приближаются инспектора, они бежали к нам, чтобы предупредить, и мы поспешно прятали одежду, которую перешивала мать. Такие мелочи прекрасно запоминаются, когда растешь в бедности.

Вскоре после смерти отца я заметил, что плохо вижу. Вначале учитель пересадил меня на первую парту. Потом мне проверили зрение. Город Нью-Йорк приобрел для меня мою первую пару очков. Осуществлялось это так: в учреждении, которое тогда играло роль нынешнего департамента здравоохранения, тебе выдавали бумагу, с которой нужно было пойти в магазин оптики на 14-й улице в Манхэттене и получить очки бесплатно.

---

¹⁰ Знаменитый американский бейсболист.

¹¹ Кварталы Бруклина, одного из районов Нью-Йорка.

На пособие можно было получить только очки с проволочной оправой. Прозвище «Четырехглазый» и так было достаточно обидным. А проволочная оправка лишь ухудшала положение. Это было клеймо. Каждый, кто видел тебя в этой оправе, знал, что ты из бедных. Я ненавидел эти очки. Много лет спустя подобные оправы вошли в моду. Но вы не увидите ни одной моей фотографии в возрасте старше десяти в таких очках.

Теперь я осознаю, что нет ничего удивительного в том, что я не мог понять в полной мере все, через что пришлось пройти моей матери. Я был слишком занят тем, чтобы заставлять ее и всех остальных жалеть меня. Я потерял интерес к учебе – просто перестал читать. Вероятно, книги стали ассоциироваться у меня со смертью отца. Учился я хорошо, даже перескочил через третий класс. И вдруг моя мать стала просить учителей прощать меня за несделанные домашние задания, потому что я слишком подавлен семейной трагедией.

Все остальные плакальщики, читавшие молитвы по усопшим в синагоге Хопкинсона, были не моложе сорока. *Исгадаль в'искадаш ш'мэй рабо...* Я намеренно читал это так, чтобы вызывать жалость. Спустя много лет один мой товарищ-психолог предположил, что причиной этого могла быть обида – обида на отца за то, что он покинул меня. Но тогда я не проводил никакого анализа. Отец был мне другом, и все. Однако другого объяснения я сейчас найти не могу. Почему я не пошел на похороны? Почему не плакал? Ведь мы с отцом были очень близки. Я до сих пор помню, как сидел у него на плече на параде в День благодарения. Почему я стал использовать его смерть для того, чтобы получить какое-то преимущество в глазах других? Стараясь вызвать у окружающих жалость, я лишь проявлял еще большее возмущение его смертью.

Если какой-то мужчина приглашал нашу мать на свидание, мы с братом начинали швыряться вещами и драться, как только он заходил к нам в дом. Мы делали все, чтобы у него не возникло ни малейшего желания вернуться. Позже мы оба сильно об этом жалели. Дженни Зайгер могла бы вновь стать счастливой, и мы тоже получили бы свою долю счастья.

Молодая женщина, потерявшая сына, мужа и мать, не имеющая работы, она одна растила двух мальчишек. Мать научила меня не унывать – и научила на собственном примере. Через какое-то время она пошла работать на швейную фабрику. Денег стало ненамного больше, но мы теперь не зависели от пособия и перестали бояться социальных инспекций.

Я никогда не видел, чтобы мать покупала что-нибудь для себя. Она жила ради сыновей. Каждый день в одно и то же время она готовила и подавала нам обед. Бараньи отбивные, жаренные, сочащиеся жирком. Телячьи котлетки в сухарях. Каша. Картофельный кугель, за который не жалко и жизнь отдать. Мать не знала, что ее блюда были «умело приготовленным путем к инфаркту». Если хотите понять, на что была похожа восточно-европейская еврейская кухня, можете посетить Sammy's Roumanian Steak House на Лауэр-Ист-Сайд в Нью-Йорке. Еда там замечательная. Но перед уходом вам обязательно дадут Bromo-Zeltzer.

Нетрудно догадаться, почему в еврейских ресторанах такие большие порции и почему в моей семье еда была всем. Много веков подряд в жизни евреев не было никакой стабильности. В любой момент у них могли отобрать и имущество, и жизнь, и любая трапеза могла оказаться последней. Поэтому еда должна была быть превосходной, и съесть ее было необходимо всю, до последней крошки. Таков был закон жизни. Второй причиной, по которой полагалось ничего не оставлять на тарелках, было существование людей, у которых не было возможности хорошо питаться. Выбрасывать пищу, когда кто-то голодает, считалось кощунством.

Мать воспринимала как личное оскорбление, если мы что-то оставляли на тарелках. Даже если весь обед был съеден, но оставался маленький кусочек вишневого пирога, она говорила: «Ешьте, не расстраивайте меня». Я не помню, чтобы мать когда-либо ела вместе с нами. Она готовила, накрывала на стол, садилась и смотрела, как мы едим. А потом уносила тарелки.

Самое яркое воспоминание о ней относится к тому времени, когда я уже стал звездой на радио и смог забрать ее в Майами. Может, причина в том, что мне хочется помнить ее счастливой. Я до сих пор вспоминаю, как мать подавала мне бараньи отбивные.

«Тебе понравилось?»

«Изумительно, мам».

«А спроси-ка, как мне достались эти отбивные».

«И как же, мам? Как они тебе достались?»

«Я пошла к мяснику, посмотрела на отбивные в витрине, и они мне не понравились. Какие-то, знаешь, совершенно невзрачные. Я спросила у мясника:

– Это все, что у вас есть?

И он сказал:

– Да, госпожа. Не хотите, не берите.

Тогда я сказала:

– Может быть, вы знаете моего сына?..

– А кто ваш сын?

– Ларри Кинг.

– Ваш сын – Ларри Кинг?!

И он повел меня в кладовку. Вот как достались мне эти бараньи отбивные».

Такая у меня мать! Она всегда находила чем гордиться и всегда доставала для меня самое лучшее, что только могла.

Когда я был ребенком, нам помогала еще одна женщина. Мы звали ее тетей Беллой. Но она не была нам родной теткой. Родом она была из Шотландии. Мы звали ее тетей, потому что любили ее. Она была совсем старенькая. Ее отец участвовал в гражданской войне, и у нее сохранилось письмо, которое он получил от президента Линкольна. Тетя Белла готовила нам обед и присматривала за нами, пока мать была на работе. Однажды на Рождество какой-то ее родственник, одетый Санта-Клаусом, спустился по нашему дымоходу прямо у нас на глазах. В нашей «кошерной» квартире устраивалась рождественская елка, чтобы тетя Белла чувствовала себя как дома. Для нас она была членом семьи.

Но ни мать, ни тетя Белла, вместе взятые, не могли заменить мне отца. Да и подзатыльники давал мне только отец.

Вот одно из моих самых живых детских воспоминаний. Это случилось после того, как я свалился с забора с железными пиками у нашего дома. Я сломал руку и оставался дома. Однажды, когда я сидел перед подъездом, подъехала большая черная машина.

«Эй, малец, поди-ка сюда».

Меня, наверное, миллион раз предупреждали, чтобы я держался подальше от незнакомцев. А самым страшным грехом было подойти к незнакомцу в машине, который к тому же предлагал конфеты. Я приблизился на шаг, думая, что в любом случае еще смогу убежать.

Человек вышел из машины и открыл багажник. Если бы я увидел там конфеты, то тут же бы убежал. Но любопытство пересилило, и я заглянул внутрь. Конфет там не было. Там были комиксы. Полный багажник комиксов. А я так их любил!

«Я сказал сыну, что если он снова будет плохо себя вести, то отдам комиксы первому встречному мальчику, – сказал мужчина. – Ты – первый, кто мне встретился».

Я забрал комиксы и поднялся в квартиру.

«Папа, гляди!» – воскликнул я, зайдя домой.

«Откуда у тебя это?»

«Ко мне подъехал человек на машине».

«И ты подошел к машине?»

«Ага».

«Что я говорил тебе о незнакомых людях?»

детей. По воскресеньям он разыгрывал смешные сценки своим удивительным голосом. У меня даже была копилка дядюшки Дона – желто-зеленая, с его портретом: «Детишки, не забывайте копить денежки». Я любил дядюшку Дона. И его песенку:

*Риппити-рипскар-хи-ло-зи,
Хомоньо-фиггиди-хи-ло-ди,
Роди-казолты с алаказоном!
Пой эту песенку с дядей Доном!
Спокойной ночи, мальчики и девочки!*

Однажды вечером, когда мне было лет, наверное, десять, дядюшка Дон, как всегда, завершил передачу словами: «Спокойной ночи, мальчики и девочки!» – а потом мы услышали: «Хватит на сегодня этим мелким паразитам».

Я взял тогда копилку дядюшки Дона и выкинул ее в окно. Мать была в панике: «Что ты делаешь? Там же деньги!» Она бросилась по лестнице вниз, чтобы подобрать монетки.

Я никогда не придавал много значения психологической болтовне. Но мне будет нелегко доказать обратное, если какой-нибудь психолог решит связать этот случай с финансовыми проблемами, которые преследовали меня в более зрелом возрасте. «Еще в детстве Ларри швырялся деньгами в окно». Хотя, вспоминая об этом, думаю, что дело тут было не в деньгах. Дело было в любви.

Мы больше никогда не слушали дядюшку Дона. Но моя любовь к радио с возрастом только крепла. Я ходил на студию и смотрел, как специалисты по звуковым эффектам трут друг о друга куски целлофана, имитируя треск огня.

Лучше всех были Ред Барбер и Артур Годфри. Ред показал мне, что такое бейсбол. Он научил меня этой игре. Он рассказывал о матчах так, что слова проникали прямо в душу. Ничто не могло сравниться с напряжением во время игры великих Brooklyn Dodgers. Я до сих пор помню репортаж Реда Барбера в день открытия чемпионата. «Весенние тренировки окончены, – сказал он. – Начинается нешуточная игра».

Реду исключительно удавались паузы. Он, как никто, умел заставить вас затаить дыхание и приникнуть к радиоприемнику. Во время войны комментаторы не могли путешествовать вместе с командой. Они озвучивали сообщения, доставленные телеграфом. Мы слушали постукивания телеграфного аппарата и думали, что знаем, что они означают. *Это дубль!* Иногда аппарат ломался. Рональд Рейган рассказывал, что однажды, когда он комментировал игру и аппарат сломался, ему пришлось сказать, что отбивающий пропустил одиннадцать прямых подач, пока телеграф вновь не начал работать. Бейсбол был спортом, созданным словно специально для радио. Но ничто не могло сравниться с походом на стадион. Никогда не забуду, как впервые попал на Эббетс-филд. Меня до глубины души потрясли зелень травы, чернота грязи и белизна разметки. Я сидел на открытой трибуне и, развернув турнирную таблицу, комментировал игру так, будто я был Редом.

Артур Годфри был совсем иным. Он первым начал нарушать правила, чем побуждал рисковать и меня. Как-то раз я остался дома один, не пошел в школу из-за болезни. Мать работала, брат учился. Годфри был в эфире и рекламировал арахисовое масло «Питер Пэн».

Он сказал: «Я каждый день говорю вам про арахисовое масло “Питер Пэн”. Когда я говорю о его качестве, вы можете мне верить или не верить. Но сегодня я скажу вам кое-что другое. Сегодня я не буду хвалить масло, а просто пойду и сам его попробую. Понимаю, что это не по правилам, что в рекламе так не говорят. Но я все равно пойду, возьму кусок масла “Питер Пэн” и отправлю его в... грхмдырдыррр».

И я вылез из постели, оделся, пошел в магазин и купил арахисовое масло «Питер Пэн». Я шел домой и ел его.

В старшем классе я уже знал точно, кем я буду. Вы можете убедиться в этом, заглянув в школьный альбом. Меня спросили, кем я хочу стать, и я ответил: радиокomentатором.

Другая точка зрения

Марти Зайгер

Брат

Не буду отрицать, что мы жили бы иначе, если бы был жив наш отец. Нам не пришлось бы жить на пособие. В доме было бы больше стабильности и дисциплины. И нам не пришлось бы переезжать тогда, когда мы это сделали.

На детство Ларри большое влияние оказало то место, где мы стали жить, – Бенсонхерст. А место, где живешь, порой определяет всю дальнейшую жизнь.

Хая Кинг

Дочь

Меня там не было. Но когда я пытаюсь представить своего отца девятилетним, то вижу ребенка еврейских иммигрантов, который получал всю любовь своих родных. Мне представляется традиционная семья и чрезмерно заботливая мать. Мне кажется, он был очень близок с отцом. Я представляю, что семья столкнулась со значительными материальными трудностями, но главное, что у них было, – это очень сильное чувство дома. А потом вдруг не стало отца, и, по-моему, душа его оказалась раздавлена.

Наверное, он злился на отца за то, что тот оставил их. Но в итоге эта злость оказалась направлена на Бога, в храм которого приводила его молиться мать. Что-то в нем перевернулось в этот день. Я не слышала, чтобы он когда-нибудь оплакивал своего отца. И очень сочувствую ему, потому что невыплаканные горе и гнев навсегда остаются в душе. Все это трансформировалось в его деятельную кипучую натуру. В каком-то смысле он обратил свое горе в добро. Благодаря ему он выстроил блестящую карьеру, стал знаменит. Но это не избавило его от боли.

Глава 4

Дом там, где друзья

Пол Ньюмен однажды сказал мне, что, когда приезжает в какой-нибудь город на другом конце света, первым делом включает телевизор в номере отеля, чтобы увидеть меня. Я для него, по его словам, олицетворяю связь с Америкой, связь с домом.

За годы работы мне приходилось слышать нечто подобное от многих людей. Карта, служащая фоном в моей студии на CNN, стала одним из самых узнаваемых телеобразов в мире. Почти четверть века я выхожу по вечерам в эфир на фоне этой карты. Не исключено, что Вуди Аллен был прав, говоря, что 80 % успеха зависит от того, насколько часто ты мелькаешь на экране. Но чувство дома, о котором говорят люди, – все же нечто большее, чем просто мое появление перед микрофоном в студии. И мне кажется, это берет начало в Бруклине.

Не могу представить лучшего места для взросления, чем Бруклин 1940-х. В то время этот район обладал всеми преимуществами маленького городка. Владельцы и мясного, и кондитерского магазинчиков на вашей улице были нам чуть ли не родными. И вообще в укладе жизни было нечто патриархальное. Столько лет прошло, а за стеклом в Еврейском общественном центре Бенсонхерста до сих пор висит фотография моего приятеля Сиды с его звездной баскетбольной командой. Однако Бруклин, в котором мы росли, был больше, чем целая Филадельфия. Чтобы полюбоваться на игру одной из трех бейсбольных команд на своем стадионе, нужно было ехать на метро. Бруклин стал домом для миллионов иммигрантов. И можно сказать, что постоянство здесь тесно соседствовало с изменчивостью. Говорят, что и сегодня каждый шестой в Америке так или иначе связан с Бруклином.

Я осознал великую роль этого места не только сейчас, после того как покинул Бруклин; я понимал это и в те годы. Любой, кто вырос в Бенсонхерсте, скажет, что это были лучшие годы его жизни. Никто не переезжал, никто не разводился, а друзья оставались друзьями навсегда. Даже через пятьдесят лет, встретив кого-нибудь, с кем поддерживал шапочное знакомство в старших классах, вы через пять минут становитесь самыми душевными приятелями. Не исключено, что такое можно сказать и о других местах. Мне не с чем сравнивать, потому что мне не пришлось расти где-то еще. Но Марио Куомо как-то сказал мне: «О Бенсонхерсте слышали все. Я знать не знаю, что это такое, я вырос в Квинсе. У меня была куча друзей и прекрасное детство, но там, где вырос *ты*, было что-то особенное. Даже в Квинсе об этом слышали».

Стоит завернуть за угол Восемьдесят шестой и Бэй-парквей, и все ваши друзья тут же обретают прозвища.

Был у нас Чернилка Каплан, который сказал учителю, что скорее выпьет чернила, которые стоят у него на парте, чем признается в какой-то шалости. Он ходил с синими зубами полгода... а потом стал стоматологом.

Еще был А-Бэ Горовиц. Когда при нем о чем-то рассказывали, он вечно переспрашивал: «А?» – как будто не слышал. И ему обязательно отвечали: «Бэ». Так и родилось прозвище А-Бэ.

Джо Беллена прозвали Джо Куст. По какой причине – не знаю. Сколько я его помню, он всегда был Джо Куст.

Меня звали Рупором, потому что мой рот никогда не закрывался.

А моего лучшего друга Герба Коэна – Делягой Герби. Он постоянно втягивал всех в неприятности, а потом вытаскивал оттуда. Нас с ним сразу потянуло друг к другу. Я обожал всякого рода дурное влияние. А Герб был как раз таким.

Мы познакомились в старшей школе № 128, когда нам вручили знаки «стоп» и поставили регулировать дорожное движение перед школой. «Давай ты разрешишь проезд со своей сто-

роны, а я – со своей», – предложил Герб. Мы направили машины точно лоб в лоб друг другу и создали пробку, которая растянулась на несколько кварталов.

Нас вызвали к директору... вместе с матерями. Это был не единственный раз, когда мою мать вызывали к нему в кабинет. Но по крайней мере на этот раз ей повезло: она подружилась с мамой Герба.

Историй о Герби можно набрать миллион. Но круче всех, несомненно, история со Швабриком. Мы тогда учились в девятом классе. По нью-йоркской системе образования девятый класс был выпускным в этой ступени. На следующий год мы переходили в высшую школу Лафайета.

В середине учебного года куда-то пропал наш приятель по прозвищу Швабрик. На самом деле его звали Джил Мермельштейн. Но мы прозвали его Швабрик, потому что у него была буйная курчавая шевелюра, напоминающая насадки на швабры, которыми моют пол. Прошло несколько дней, но Швабрик не появлялся. И мы пошли к нему домой, чтобы выяснить, что с ним. Нас было трое: я, мечтающий стать радиокomentатором, Деляга Герби, который хотел быть адвокатом, и еще Брэззи Эббэйт, который планировал стать доктором.

В доме у Швабрика были опущены все шторы. На ступенях у входа сидел его двоюродный брат, живший в Нью-Джерси, единственный родственник Швабрика на Северо-Востоке.

Он рассказал, что произошло нечто ужасное: Швабрик заболел туберкулезом, и его родители увезли его в Таксон, штат Аризона, надеясь, что в том климате он быстро поправится.

Кузен специально приехал из Нью-Джерси, чтобы сообщить в школе, что Швабрик переехал, а сейчас дожидался сотрудников телефонной компании, которые должны были отключить линию.

«Вам незачем задерживаться до завтра, чтобы сообщить об этом в школу, – сказал ему Герб. – Дождитесь телефонистов и возвращайтесь домой. А мы сами все расскажем директору».

«Вы действительно скажете об этом директору?» – спросил кузен.

«Ну конечно».

И двоюродный брат Швабрика уехал. Мы шли по улице. Я до сих пор хорошо помню, как это было, даже мурашки бегут по телу. Герб сказал:

«Есть идея».

«Что придумал?»

«Скажем в школе, что Швабрик помер. А потом, как его лучшие друзья, станем собирать деньги на венок. А сами пойдем к Натану и наедемся хот-догов и конфет. Уверен, у нас это выгорит! Из школы позвонят им домой, а там никого нет. Про кузена из Нью-Джерси в школе не знают».

«Да, а если Швабрик вернется?»

«Ну, к тому времени мы уже будем в Лафайете, – сказал Герби. – И все это превратится в шутку».

Мы решили, что так и сделаем. На следующий день, напустив на себя подобающий вид, мы пошли к миссис Дьюар.

«Швабрик умер».

Поднялся плач. Плакали девчонки, плакали его друзья.

Миссис Дьюар доложила о случившемся директору. Тот позвонил домой. Оператор с телефонной станции сообщил, что номер отключен. Секретарша записала «скончался» в личном деле Швабрика. Мы с Гербом и Брэззи собрали на цветы, а потом отправились в кафе мистера Натана и до отвала наелись там хот-догов и конфет.

Через пару дней, придя в школу, мы узнали, что нас вызывает директор. Пока мы шли по коридору, я чуть не плакал. Отец умер, а я в очередной раз попал в переplet. Брэззи лихо-радно повторял: «Мне никогда не стать врачом. Мне никогда не стать врачом». А Герб нас

утешал: «Все в порядке. Ничего не случилось. Мы просто скажем ему, что *слышали*, будто Швабрик умер. И сделаем вид, будто ужасно рады, что он оказался жив. Скажем, что деньги отдали на благотворительность и постараемся вернуть их обратно».

Мы пришли к директору, и мистер Коэн, увидев нас, просиял.

«Садитесь, мои юные друзья», – сказал он.

И начал рассказывать, что наша школа хочет вызвать интерес общественности и как-то проявить себя. Многие школы делают это, спонсируя спортивные команды, но у нас нет такой возможности. И вот на совете школы был поднят вопрос, что может сделать наша школа для того, чтобы показать себя в лучшем свете.

«Кто-то упомянул, что вы трое собирали деньги для родителей вашего покойного друга Джила Мермелштейна, – сказал он. – Это здорово. Но мы решили, что было бы неплохо провести конференцию памяти Джила Мермелштейна. Она состоится за пару недель до выпуска. Лучшему ученику школы мы вручим награду. А вы трое выступите как почетные гости. Будет также журналист из *New York Times*».

Это был самый подходящий момент, чтобы сознаться. Но мы были то ли слишком напуганы, то ли не успели ничего сообразить, а может и то и другое сразу.

Мы вышли из кабинета, и Герб заявил:

«Ну ведь Швабрик когда-то все равно помрет. Тогда награда *будет* иметь смысл».

Время шло, и настал день церемонии. Мы трое в парадных костюмах сидели в президиуме. Зал был полон. Ученик, завоевавший награду имени Джила Мермелштейна, поднялся на сцену, чтобы ее получить. Директор представил нас журналисту из *New York Times*.

И надо ж было так случиться, что в тот день, в тот самый проклятый день Швабрик вернулся в школу. В анналах истории лечения туберкулеза тот день должен был сохраниться как самый выдающийся. Швабрик выздоровел!

Когда Швабрик вошел в школу, коридоры были пусты. Он, естественно, ни о чем не подозревал. Он наткнулся на уборщика или кого-то в этом роде, спросил, что происходит, и ему сказали, что вся школа собралась на какую-то особую конференцию.

И Швабрик пошел в зал. Он мог войти в зал либо сбоку, из-за ширмы, либо через большие двери прямо.

Швабрик открыл двери, когда мы уже произнесли Клятву верности. И первое, что он увидел, была перетяжка с надписью: МЕМОРИАЛ ДЖИЛА МЕРМЕЛЬШТЕЙНА.

Герби тут же его заметил и подумал: «Швабрик не слишком умен, однако и он знает, что такое “Мемориал”».

Швабрик застыл на месте. Ребята, сидевшие в задних рядах, увидели его и сразу все поняли: Швабрик жив, а Герби, Ларри и Брэззи просто развели их на деньги. Ребятам из Нью-Йорка быстро просекает такие вещи. По залу пошли смешки. Директор никак не мог понять, что происходит. Он не узнал Швабрика. Да и сидящий впереди репортер *New York Times* заставлял его нервничать. Герб поднялся, и – он до сих пор не может сказать, зачем он это сделал, – провозгласил: «Швабрик, катись домой, ты умер!»

Швабрик выскочил из дверей и убежал. В аудитории воцарилось черт знает что. И посреди всего этого хаоса ученик, завоевавший премию имени Джила Мермелштейна, завопил: «Но награда-то у меня останется? Награда останется?»

Директор глянул на нас и рявкнул: «Немедленно ко мне в кабинет!»

Мы в ужасе проследовали за ним. Я чуть не плакал. Бедная моя мама! Сможет ли она вытащить меня на этот раз? Брэззи вновь завелся: «Мне никогда не стать врачом. Мне никогда не стать врачом». Но Герб сказал: «Я со всем разберусь».

Когда мы оказались у директора в кабинете, он заявил: «Я никогда в жизни не испытывал такого унижения. Я выгоняю вас из школы. Соберите свои вещи, и вон отсюда. Чтoб глаза мои больше вас не видели!»

И тут Герби вдруг заявил: «Вы делаете большую ошибку».

«Как это понимать?»

«Да, мы действительно придумали, что Швабрик умер. И вы поступаете совершенно правильно, выгоняя нас из школы. Но подумайте о последствиях. Вам же придется подать докладную в Управление. И кто-нибудь там обязательно скажет: “Директор Коэн, объясните нам, как так случилось. Трое молокососов приходят в школу и заявляют, что ваш ученик скончался. Вы лишь раз позвонили к нему домой, узнали, что линия отключена, и на основании этого записали, что ученик мертв, а потом еще и учредили премию в его честь?”

О да, – Герби был в ударе, – нас выгонят. Но не думаю, что после этого вы сможете стать директором хоть какой-нибудь из нью-йоркских школ. – Однако на этом он не остановился. – Пока слухи не разошлись, – продолжил он, – может, об этом лучше просто... забыть?»

Доктор Коэн выглядел как побитый пес. Потом вздохнул и вышел, чтобы переговорить с репортером *New York Times*, который и сам уже понял, что этот случай больше подходит для *Daily News*, поэтому согласился ничего не публиковать.

Герб впоследствии стал давать советы президентам и принимал участие в переговорах по сокращению стратегических наступательных вооружений с Советским Союзом. Брэззи работает нейрохирургом в Баффало. Швабрик жив до сих пор и переехал во Флориду. И мы все вместе получали свои аттестаты.

Оглядываясь назад, я могу назвать наше детство в Бруклине театром импровизаций. Но тогда, конечно, это нам и в голову не приходило. Мы просто развлекались, как могли. Мы с Герби сочинили чудесный водевиль под названием «Искра и штепсель», который в один прекрасный день поставил на уши всю нашу школу. Но все-таки лучшей сценой для наших представлений был кондитерский магазинчик Сэма Мальца на углу Восемьдесят пятой и Двадцать первой авеню.

Мальц, вечно недовольный мужичонка, по облику чем-то напоминал снеговика. Из рта у него всегда торчала сигарета, хотя я не помню, чтобы он когда-либо курил. У двери его лавки стоял автомат, который за монетку в один цент насыпал горсть подсолнечных семечек. Вдоль одной стены стояли отгороженные от зала столики, еще там был музыкальный автомат, лоток с газетами и сладостями. А еще стойка, за которой можно было получить самый замечательный в мире напиток – шоколадный гоголь-моголь.

Понятия не имею, почему он так назывался. Никакие яйца в его состав не входили. Он делался из молока, шоколадного сиропа и минеральной воды. Чтобы правильно его приготовить, нужно было сделать так: вначале в стакан наливали молоко, потом сироп. Все это слегка перемешивалось. А потом надо было долить минералки, так, чтобы появилась пена, и взболтать, чтобы получилась шапка, как на пивной кружке.

Иногда, когда у меня не было семи центов или я просто хотел поиздеваться над Мальцем, то заказывал простую минералку за два цента. Брал стакан, делал глоток, перегибался через стойку и просил: «Мальц, может быть, плеснешь хоть чуть-чуть сиропа?»

Мальц, ворча, капал в стакан сироп. Я делал еще глоток и продолжал канючить: «Мальц, а может, найдется немножечко молока?»

Удовольствие было не столько в напитке, сколько в ожидании, когда Мальц взорвется.

Однажды мы заметили, что автомат с семечками работает без монетки. Достаточно было повернуть за ручку, и семечки сыпались. Мы просидели перед магазином весь день, грызя семечки. И более того. Если кто-нибудь шел мимо, мы шептали ему на ухо: «Здесь халявные семечки...» Мальц весь день с удовольствием поглядывал, как работает автомат. Когда мы вечером оттуда ушли, семечек в нем не осталось.

На следующий день Мальц впал в бешенство, и все свои громы и молнии обрушил на нас.

«Вы меня обокрали! Я видел, что вы целый день щелкали семечки! Я думал, у меня в автомате будет не меньше пятисот монет! А там их не оказалось вообще! Мои мечты пошли прахом! Вы меня обокрали!»

«Ну-ну, потише! – остановил его Герб. – Вы можете доказать это на суде, Мальц? У вас есть свидетели?»

Вскоре после этого случая Мальц продал свою лавку, и все стали говорить, что это мы выгнали его из Бруклина.

Парень, который купил его лавку, был очень вспыльчивым, и нам нравилось выводить его из себя. Его звали Мо. Как-то раз мы крутили в музыкальном автомате песенку Фрэнки Лейна «Крик дикого гуся».

Сердце мое знает то, что знают дикие гуси,
Мне пора туда, куда летят дикие гуси.
Братец гусь, вольный гусь, ты скажи мне,
Дома оставаться мне иль скитаться на чужбине?

Такие песенки, как эта, привязываются надолго. Она крутится в голове, даже если услышишь ее один раз, но мы прокрутили ее, наверное, чуть ли не сорок раз подряд. Для Мо, вероятно, это было чересчур, и он попытался заставить нас прекратить пытку. Однако Герб ему возразил:

«Мы добропорядочные платежеспособные посетители. И у нас есть право слушать все, что нам захочется!»

Тут Мо окончательно вышел из себя. Двинув кулаком по стойке, он, чуть не перепрыгнув через нее, выдрал вилку из сети и пинком вышвырнул автомат за дверь с криком:

«Хотите знать, куда улетают дикие гуси? Вот куда улетают ваши гуси! И теперь попробуйте послушать то, что вы хотите, маленькие ученые негодяи! Вон отсюда!»

Есть еще одна история, которую я должен рассказать, хотя произошла она несколько позже. Мне очень нравится эта история про Carvel. Так что лучше я расскажу ее сейчас.

Шел ноябрь 1951 года. Мне уже исполнилось восемнадцать. Мы с Гербом и Хауи Вайссом заспорили о мороженом. Речь шла о вкусе и цене. Мы спорили, спорили и никак не могли остановиться.

Герб заявил:

«Мороженое лучше всего в Breyers, да и цена там хорошая».

Я утверждал, что в Borden мороженое лучше.

На что Хауи заметил:

«Да, ну а Carvel?»

Carvel – это сеть кафе-мороженых, которые в те времена были повсюду. Там подавали молочные коктейли и мороженое в рожках. Основателем компании был Том Карвел. Позже я познакомился с ним. Через много лет в моем шоу мы вспомнили эту историю.

Хауи сказал, что в Carvel в Нью-Хейвене, в штате Коннектикут, можно купить три рожка за пятнадцать центов. Герб не поверил. Такого просто не могло быть. И мы заключили с Хауи пари, что в Carvel в Нью-Хейвене нельзя купить три рожка за пятнадцать центов.

Была лишь одна возможность разрешить наш спор: поехать туда и проверить все самим. Так что мы сказали родителям, что едем в Нью-Хейвен. Но, конечно же, мы не могли отправиться туда без А-Бэ. Его нужно было взять обязательно. Он был незаменим в любом деле, которое мы затевали.

Наш приятель не был смешным. Или, скорее, он был смешным, но не знал об этом – совсем как Йоджи Берра¹³. Ведь Йоджи Берра никогда специально не смешит людей. Когда кто-нибудь спрашивает у него: «Вы не знаете, сколько сейчас времени?» – то он просто уточняет: «Вы хотите сказать сейчас?» – а вовсе не шутит. Дальняя часть поля стадиона Jankees была в тени. Так что когда Йоджи заявил: «На стадионе Jankees рано становится темно», – это была просто констатация факта. Все, что он говорил, было абсолютно точным: «В этот ресторан больше никто не ходит, потому что там всегда куча народу».

Один лишь голос А-Бэ делал его слова во много раз лучше. Его уморительно низкий и, как бы так сказать, честный голос описать трудно, но достаточно легко симитировать. Если вы слышали его хотя бы раз, то никогда бы уж не забыли. Я как-нибудь попытаюсь воспроизвести звучание его голоса в аудиокниге. Герб всегда пародировал его для детей. И его дети выросли в убеждении, что Герб сам выдумал А-Бэ. И когда в один прекрасный день А-Бэ заглянул к ним в дом, то дети были потрясены, так как оказалось, что А-Бэ – настоящий!

---

¹³ Знаменитый американский бейсболист. Известен не только победами в спорте, но и афоризмами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.